

ГЛОБАЛЬНАЯ СИСТЕМА НА ПЕРЕЛОМЕ: ПУТИ К НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

© 2016 г.

Предлагаем вниманию читателей научный доклад по итогам Совместного исследования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) и Группы стратегического прогнозирования Атлантического совета под редакцией директора ИМЭМО, академика Александра Дынкина и директора Группы стратегического прогнозирования Центра международной безопасности имени Брента Скоукрофта Атлантического совета доктора Мэтью Барроуза. Авторами (соавторами) доклада являются: сотрудники ИМЭМО – В.В. Михеев, А.Г. Арбатов, Н.И. Иванова, Ф.Г. Войтоловский, А.В. Кузнецов, Г.И. Мачавариани, Н.К. Арбатова, С.А. Афонцев, И.В. Данилин, С.В. Жуков, С.А. Луконин, Я.М. Миркин, В.И. Трубников, А.Н. Федоровский, В.Г. Швыдко; эксперты Атлантического совета – М. Барроуз, Р. Мэннинг, А. Вадламанти, Д. Ли, М. Чек, П. Энгелке, Б. Болте. Доклад посвящен анализу основных трендов и перспектив мирового экономического, социального и политического развития на период до 2035 г. Российско-американский авторский коллектив предлагает свое видение возможных вариантов изменений в мировой экономике и международной политике, а также в области международной безопасности в предстоящие два десятилетия, и вероятные прогнозные сценарии глобального развития. Работа содержит экспертные оценки настоящих и будущих тенденций, наблюдаемых в основных странах – глобальных лидерах, а также в отношениях между ними.

Ключевые слова: глобальная система, тренды мирового развития, новые вызовы, сценарии будущего.

Материал поступил в редакцию 25.04.2016.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-5-25

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы представляем вам доклад “Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности”, являющийся результатом совместного исследования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) и Группы стратегического прогнозирования Центра международной безопасности имени Брента Скоукрофта Атлантического совета. Мы начали наше исследование до того, как разразился нынешний кризис в российско-американских отношениях. Однако сегодня полученные нами результаты еще более актуальны, поскольку мы стремимся предупредить дальнейшее разрастание конфликта и обозначить новые условия и возможные направления сотрудничества между Россией и Западом.

Как и в предыдущих прогнозных работах ИМЭМО и Атлантического совета, в докладе исследуются современные тенденции и потенциальные сценарии глобального развития на ближайшие двадцать лет. Наша цель – не столько

спрогнозировать будущее, сколько обозначить будущие вызовы и перспективы. Кризис российско-американских отношений – это всего лишь одно из проявлений все более опасного перелома, на котором сегодня оказался мир. Несмотря на стремительную глобализацию последних нескольких десятилетий, сулившую сотрудничество и интеграцию, сегодня вероятность конфликта с вовлечением ведущих держав возрастает по причине глубоких разломов внутри обществ и между ними. Прежнее противостояние капитализма и коммунизма уступило место конфликтам нравственных ценностей с националистическим, религиозным и историко-психологическим подтекстом.

Кризис взаимоотношений между Россией и Западом 2013–2016 гг. показывает, что экономические интересы и сотрудничество в сфере международной безопасности не гарантируют предотвращения конфликтов, возникающих на основе политических, геополитических и идеологических амбиций. Сегодняшний разлом по линии Восток–Запад значительно отличается от времен второй половины холодной войны (середина

1960-х – середина 1980-х годов), когда негласно признававшиеся “неприкосновенные” геополитические сферы влияния были ясно разграничены, а остальные территории не стоили того, чтобы ради них идти на риск прямого вооруженного конфликта. Период 2016–2035 гг. будет также значительно отличаться от первых двадцати пяти лет, прошедших после окончания холодной войны, в течение которых великим державам удавалось избежать серьезных противоречий – прежде всего потому, что Россия и Китай неохотно, но принимали лидерство Запада.

Наихудшим вариантом предстоящего периода может стать возникновение новой биполярности, когда государства, группирующиеся вокруг Китая и России, будут противостоять Соединенным Штатам и их европейским и азиатским союзникам. Несколько менее опасным является возможное разделение мира на региональные блоки и сферы влияния, при котором будут сохраняться возможности глобального сотрудничества на основе отдельных договоренностей.

Мы хотели бы особо подчеркнуть серьезность сложившейся ныне международной ситуации, однако наше исследование уделяет также пристальное внимание возможностям, открывающимся перед обеими нашими странами и остальным миром в случае, если нам удастся смягчить разногласия. Ужесточение режима ядерного нераспространения и эффективное функционирование Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) требуют достижения консенсуса между всеми участвующими в ДНЯО странами (в настоящее время 190 государств), включая потенциаль-

ных нарушителей договора. Это труднодостижимо даже в самых благоприятных международных условиях и станет абсолютно невозможным в ситуации конфронтации между великими державами. В период 2016–2035 гг. еще больше стран подойдут к порогу обладания ядерным оружием, и в наихудшем сценарии дальнейшее распространение ядерного оружия может привести к цепной реакции увеличения числа членов “ядерного клуба” с нынешних девяти до пятнадцати или более стран. Применение ядерного оружия в региональных конфликтах или попадание его в руки террористов станет более вероятным. Сотрудничество между Россией, США и другими странами также важно и в других сферах общих интересов: в борьбе с терроризмом; противостоянии насилию, проистекающему из религиозного экстремизма; поддержании глобального экономического роста и финансовой стабильности; борьбе с изменением климата, обеспечении безопасности общих глобальных пространств, включая мирный Космос. Такое сотрудничество возможно только при условии, что между ведущими державами перестанет нарастать напряженность, и они будут удерживать в жестко контролируемых рамках свое соперничество в других областях. Попытка заглянуть на 20 лет в будущее может показаться не самым продуктивным способом разрешения нынешнего кризиса между Востоком и Западом. Тем не менее размышления о том, какой конкретно мир мы хотели бы оставить в наследство следующему поколению, могут стать лучшим способом начать процесс преодоления конфликтов и пагубных разногласий сегодняшнего дня.

Александр Дынкин
Директор Национального
исследовательского института мировой
экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова

Фредерик Кемп
Президент и генеральный директор
Атлантического совета

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЯ

Ситуация перелома, на котором сегодня находится наш мир, приобретает все более опасный характер. По иронии судьбы, многие из угроз, которые подстерегают нас в будущем, проистекают из успехов системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны. За два десятилетия, прошедших после окончания холодной войны, глобализация – трансграничные потоки информации, денег, товаров и людей – привела к беспрецедентно широкому вза-

имдействию экономик, народов и государств, а также к масштабному сдвигу с Запада на Восток и с Севера на Юг в глобальном распределении богатства и населения. Глобализация открывает огромное количество возможностей, но также и несет в себе серьезные риски. По мере того как мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, в конкуренцию за власть вступают самые разнообразные государственные и негосударственные акторы, некоторые из которых считают, что глобализация подрывает их позиции. Это усиливает нестабильность мирового порядка, фрагментирует его.

Заглянем в 2035 год:

- Риск возникновения конфликта между крупными державами, в том числе между Соединенными Штатами/НАТО и Россией, а также Китаем и его соседями, возрастает, а конфликты между государствами второго эшелона, например между Индией и Пакистаном, могут перерасти в ядерную войну. Усугубляются межконфессиональный конфликт суннитов и шиитов и противостояние курдов и арабов, что может перерасти в полномасштабную войну по религиозным, этническим и политическим линиям раздела. Рост вооруженного исламского экстремизма в ответ на участвовавшие интервенции извне – еще один долгосрочный дестабилизирующий фактор. Количество и размах конфликтов находились на историческом минимуме с конца холодной войны, и возобновление их роста является самой значительной угрозой долгосрочному глобальному экономическому росту, а также глобализации как таковой.

- Развивающиеся страны будут играть все большую роль в глобальной экономике. Китайский юань станет третьей по важности после доллара и евро резервной валютой. Новый глобальный фактор риска – старение населения, особенно когда оно сдерживает экономический рост и оказывает негативное влияние на государственные финансы. К 2035 г. возрастающая часть финансовых ресурсов мира будет концентрироваться в региональных кластерах вне англо-американского финансового хаба.

- Глобальный энергетический сектор ожидает ценовая и инвестиционная неопределенность. Пик глобального потребления нефти, вероятно, будет достигнут во второй половине 2030-х годов, но это может произойти и раньше, если китайская экономика начнет замедляться быстрее, чем ожидалось, а индийская экономика не сможет показать высоких темпов роста.

- Такие новые технологии, как автоматизация и робототехника, сократят еще большее количество рабочих мест, что вызовет социально-политические протесты против существующих национальных и многосторонних институтов. Со временем растущее внутреннее неравенство может быть смягчено появлением большего числа новых, хорошо оплачиваемых рабочих мест, а также повышением уровня образования и квалификации.

Учитывая глубину и размах изменений, которые будут трансформировать глобальный ландшафт, неизбежно появление нового международного порядка. Тем не менее никакие гегемонистские силы не смогут сформировать мировой порядок,

как это было в случае с системой международных отношений после Второй мировой войны. К тому же, не существует консенсуса по поводу того, каким именно должен быть этот новый мировой порядок. Тем не менее существуют возможности смягчить или предотвратить риски, поджидающие нас в будущем. Общая заинтересованность международного сообщества в успешном ответе на спектр глобальных вызовов намного перевешивает любые имеющиеся противоречия. Мы надеемся, что понимание процессов, размывающих сегодня фундамент международной системы в том виде, в котором она сложилась после окончания холодной войны, поможет разработать новый *инклюзивный*, основанный на общепризнанных правилах многосторонний порядок, который позволит снова снизить риски конфликтов и создать основу для глобального сотрудничества.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ЛИК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Характер глобализации меняется, создавая все более нестабильную глобальную среду с углубляющимся разрывом между центром и периферией мировой экономики. Со стороны тех, кто выступает против глобализации, все чаще слышатся призывы бороться против потери национального суверенитета.

Глобализация более не тождественна вестернизации. Напротив, по мере того как материальные блага и технологии распространяются на Восток и на Юг, она в возрастающей степени происходит на условиях, устанавливаемых незападными культурами. Глобализация сгладила различия в благосостоянии между развитыми и развивающимися странами, но углубила экономическое неравенство внутри почти всех государств. В периоды ухудшения положения на рынке труда усиливаются антииммигрантские настроения. Источники нестабильности лежат не только на поверхности – в международных отношениях; они также глубоко заложены в социокультурных изменениях, происходящих внутри отдельных стран. Возможность финансовых кризисов сохранится, даже если полицентричная финансовая система будет более стабильной. Дефицит управления – отсутствие регулирующего органа, способного контролировать силы рынка – рассматривается как универсальная проблема как развитых, так и развивающихся стран.

Система государственной власти становится все более аморфной. Национальное государство испытывает давление как сверху, со стороны глобализации, так и снизу – в результате роста этнического национализма и стремления граждан к

расширению прав; и все эти факторы сохраняют свое значение на протяжении прогнозного периода.

Постоянный мгновенный доступ к информации вызвал “глобальное пробуждение” ожиданий, которое драматично, но на короткий срок захлестнуло Ближний Восток во время “арабской весны” 2011 г., и местные, традиционные источники идентичности вновь обрели силу. Центробежные силы проявляются по всему миру в сепаратистских движениях от Шотландии и Каталонии в Европе до Южного Судана в Восточной Африке. Будущее системы арабских государств на Ближнем Востоке поставлено под сомнение. Антиглобализм сам по себе не остановит глобализацию, но он будет подрывать доверие к управлению на всех уровнях, от местного до глобального.

Демографические тенденции – быстрое старение населения, повышение уровня урбанизации, а также рост мобильности и миграции населения – продолжают усложнять и без того проблемное государственное управление. Когда старение населения начнет замедлять экономический рост, а слишком быстрая урбанизация и усилившаяся миграция вызовут серьезное общественное недовольство, у некоторых правительств возникнет соблазн отмахнуться от решения демографических проблем, сославшись на их неизбежность и непреодолимость.

ВОЙНА: ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ВЕДУЩИМИ ДЕРЖАВАМИ

Источники нестабильности

Несмотря на то что ускоренная глобализация последних десятилетий давала надежду на сотрудничество и интеграцию, вероятность крупного межгосударственного конфликта растет в силу глубоких разногласий внутри стран и между ними. Прежнее противостояние капитализма и коммунизма уступило место национализму, конфликтам моральных и интеллектуальных ценностей с большей или меньшей религиозной, исторической или психологической подоплекой. Эти разногласия оказываются еще более разрушительными в сочетании с внутренними политическими интересами правящих элит отдельных стран.

По сравнению с последними двумя десятилетиями, в 2016–2035 гг. существует большая вероятность вовлечения великих держав в различные конфликты в качестве противоборствующих сторон. Они могут оказаться невольно втянутыми в прямое вооруженное столкновение в результате эскалации очередного кризиса. Этот риск отно-

сится в первую очередь к разногласиям на постсоветском пространстве между Россией и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), с одной стороны, и США и НАТО – с другой, и, в меньшей степени, к американо-китайским отношениям при участии азиатских союзников и партнеров обеих стран. Растущая нестабильность на Ближнем Востоке и, в меньшей степени, в Южной и Восточной Азии создает основу для конфликта между крупными державами и для потенциального разрушения мирового порядка. Конфликт с участием великих держав может положить конец уже пошатнувшемуся идеалу инклюзивной либеральной международной системы и поставить под угрозу глобальную экономику.

Продолжающийся кризис в отношениях России с США и Евросоюзом, начавшийся в 2013–2015 гг., показывает, что экономические интересы и сотрудничество в сфере международной безопасности могут быть принесены в жертву политическим, геополитическим и идеологическим амбициям. Нынешняя конфронтация существенно отличается от противостояния 1960–1980-х годов, периода второй половины холодной войны, когда при молчаливом согласии сторон были четко расчерчены “неприкосновенные” зоны геополитического влияния, а другие территории не стоили риска прямого вооруженного столкновения. Ситуация до 2035 г. также не будет похожа на первые двадцать пять лет после окончания холодной войны, когда великим державам удавалось избегать серьезных разногласий, во многом благодаря тому, что Россия и Китай пусть и неохотно, но соглашались с главенствующей ролью Запада.

Пессимистический прогноз

Худшим результатом развития событий может стать новая биполярность – формирование вокруг Китая и России группировки, противостоящей Соединенным Штатам и их европейским и азиатским союзникам. Несколько менее опасным вариантом был бы распад на региональные блоки и сферы влияния с сохранением потенциала, но не гарантий глобального сотрудничества по отдельным вопросам.

Маловероятно, но возможно установление инклюзивного и интегрированного мирового порядка, в рамках которого соперничество между странами будет находиться под контролем, а возможности для их сотрудничества расширятся.

Новая глобальная биполярность или возможный распад мира на региональные блоки поставят

США и Россию перед лицом новых вызовов. Возможности США подойдут к своему пределу, если противоречия с Россией и Китаем усилятся одновременно с ростом нестабильности на Ближнем Востоке. Распад на региональные блоки и сферы влияния увеличит количество игроков с различающимися интересами, что подорвет глобальное сотрудничество в области борьбы с терроризмом и с распространением ядерного оружия. В условиях новой биполярности Россия не только окажется в состоянии конфронтации с Западом, но также может быть втянута в конфликты, изначально не имеющие к ней отношения. В случае реализации сценария, связанного с возникновением региональных блоков, продолжение ухудшения отношений России с Западом неизбежно приведет к разладу отношений Китая и Индии с западным блоком и усилит ШОС. После своего расширения в 2015 г. эта организация существенно укрепила свою институциональную структуру и уже включает в себя четыре ядерных державы.

Регионы с потенциалом конфликта между ведущими державами. Практически все постсоветское пространство и прилегающие регионы, а также западная часть Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближний Восток и северная часть Индийского океана могут стать площадкой серьезного соперничества ведущих держав. Возрастающий радиус действия, увеличение скорости реагирования и высокая степень автоматизации систем управления неядерных наступательных вооружений повышают риск случайного или спровоцированного военного инцидента и быстрой эскалации вооруженного конфликта.

Если процесс распада Украины продолжится, а степень вовлеченности России возрастет, то НАТО, Соединенные Штаты или “коалиция желающих” могут начать прямую военную интервенцию, что приведет к лобовому столкновению. Даже если отбросить подобный крайний вариант, сегодня мы видим, что действия военно-морских флотов и военно-воздушных сил России и НАТО в Черном и Балтийском морях повысили риск военных инцидентов, способных привести к вооруженному конфликту. Угроза таких кризисов будет расти, если отношения с Западом приобретут конфронтационный характер, и напряженность между Востоком и Западом возрастет.

На Ближнем Востоке и в расположенных по соседству Турции, Египте и Европе внимание все больше концентрируется на внутренних проблемах. При меньшей вовлеченности США в дела этого региона религиозные конфликты между суннитами и шиитами, а также между курда-

ми и арабами могут обостриться и привести к крупному конфликту в регионе. Холодная война между Саудовской Аравией и Ираном уже идет, а в Йемене происходит “горячий” региональный конфликт. Проиранская шиитская группировка хуситов воюет с йеменскими суннитами, которых поддерживают Саудовская Аравия и ее суннитские союзники, в том числе Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Египет. На Ближнем Востоке может существенно возрасти напряженность между США и их партнерами, с одной стороны, и Россией, Ираном и другими государствами, стремящимися поддержать сирийского лидера Башара аль-Асада, – с другой.

В Восточной Азии Китай массивно наращивает собственные обычные вооруженные силы, в первую очередь военно-морской флот, что происходит на фоне смещения в пользу Китая баланса ядерных сил. Теперь в зоне охвата ВМС Китая будет находиться весь регион, в котором располагаются американские союзники и партнеры (Япония, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Вьетнам), что отражает растущие геополитические амбиции Пекина в прилегающих морях.

Если Китай будет осуществлять военно-политическую экспансию в западной части Тихого океана и в Индийском океане, это может привести к развитию новой биполярности. Такая система будет включать в себя, с одной стороны, не объединенную внутренними жесткими связями группу стран вокруг Китая и России, в которую могут войти некоторые центральноазиатские страны – члены Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также Северная Корея, Иран и, в зависимости от обстоятельств, другие страны, а с другой стороны – Соединенные Штаты и их союзники в Европе и Азии.

Вероятность ядерной войны повышается. По мере усиления геополитической напряженности растет вероятность перерастания конфликтов в региональную ядерную войну между ядерными государствами “второго эшелона”. С этой точки зрения, главную опасность представляют ухудшающиеся отношения между Индией и Пакистаном.

Пакистан, не имеющий четко сформулированной ядерной доктрины, в значительной степени опирается на принцип применения первым ядерного оружия; Индия, напротив, обязалась не наносить упреждающий ядерный удар. Обострение внутривосточной ситуации в Пакистане, а также угроза того, что ядерное оружие попадет в руки исламских радикалов (талибов) или меж-

дународных террористов (“Аль-Каиды”), также может привести к конфликту.

Сознательно спланированная ядерная атака Северной Кореи против Южной Кореи или США (предполагается, что Пхеньян сможет разработать межконтинентальную баллистическую ракету в ближайшие 10–15 лет) представляется маловероятной. Тем не менее периодические попытки ее властей усилить напряженность могут спровоцировать вооруженный конфликт. Если власть в КНДР столкнется с опасностью поражения, она может обратиться к своему последнему козырю – ядерному оружию. В такой ситуации США могут решить нанести упреждающий удар, используя высокоточные неядерные вооружения; Пхеньян, возможно, ответит на это применением уцелевших после такой атаки ядерных вооружений.

Конфликт между Индией и Китаем в ближайшие двадцать лет гораздо менее вероятен, чем конфликт между Индией и Пакистаном. Китай вряд ли применит ядерное оружие, даже если война между Индией и Пакистаном перерастет в ядерную. В то же время напряженность в Индийском океане, вероятно, усилится и может спровоцировать ряд вооруженных столкновений, которые, однако, не приведут к использованию ядерного оружия.

В течение следующих двадцати лет Израиль или Иран могут столкнуться в межгосударственном конфликте, если всеобъемлющее соглашение, достигнутое в июле 2015 г., будет нарушено либо в части ограничений и требований к прозрачности иранской ядерной программы, либо в части снятия санкций. Если такой конфликт возникнет, он будет носить “квазиядерный” характер, то есть ядерное оружие использоваться не будет, но будет применена сила с целью предотвратить разработку и распространение ядерного оружия. Нынешнее соглашение рассчитано лишь на 10–15 лет, что делает возможным новый конфликт, если Иран не продлит свой отказ от разработки ядерного оружия.

Если такая война начнется, особенно если США выступят на стороне Израиля, возникнут серьезные риски дестабилизации ядерного Пакистана, а также быстрого подъема исламского радикализма по всему миру. Война также может подтолкнуть арабские и мусульманские страны к массовому выходу из Договора о нераспространении ядерного оружия, некоторые страны могут активизировать свои военные ядерные программы с целью приобретения потенциала ядерного сдерживания в отношении США и Израиля.

Такое развитие событий необратимо подорвет правовые основы режима нераспространения ядерного оружия. Ядерное соглашение по Ирану открывает новые возможности для укрепления режима ядерного нераспространения и контроля в отношении соответствующих технологий и материалов на основе сотрудничества между крупными державами и региональными игроками.

Обострение региональных конфликтов. Угроза конфликтов возрастет в течение следующих двадцати лет, даже если крупные державы не примут в них непосредственного участия. Такие конфликты не обязательно приведут к применению ядерного оружия. Это относится прежде всего к Ближнему Востоку и соседним регионам, причем имеется крайне нежелательная возможность слияния конфликтных районов в одну большую зону от Марокко до Гиндукуша, включающую Афганистан, Пакистан, Центральную Азию и Иран (если удар будет нанесен по его ядерной инфраструктуре).

Риск в виде вооруженного исламского экстремизма в регионе (это проблема, которая одновременно является внутренней, транснациональной и трансрегиональной) остается самой серьезной угрозой для международной безопасности. Вооруженный исламский экстремизм может вылиться в нападения на светские прозападные и антизападные государства; в конфликт между суннитами и шиитами; в рост пиратства в Средиземном и Красном морях, по всему побережью Африки, в северной части Индийского океана и западной части Тихого океана.

К числу других потенциально нестабильных регионов относятся также Центральная и Юго-Восточная Азия и экваториальная Африка, где во многих странах возможны столкновения между мусульманским и христианским населением, что создает благоприятную почву для дальнейшего распространения терроризма.

Природа и типы конфликтов

Вероятность большой войны между основными центрами силы относительно увеличится, но все же будет оставаться ниже, чем в первой половине холодной войны (1947–1962).

Гибридные войны, избирательные военные операции, точечные удары дальнего действия (бесконтактные войны), использование небольших мобильных подразделений в специальных операциях (“быстрая сила”), выведение из строя систем связи и различного рода блокады будут играть более значительную роль в рамках использо-

вания военной силы. Такие средства будут использоваться не для достижения победы над врагом, но для решения ограниченных задач. Эти задачи включают в себя смену власти в стране, подчинение того или иного государства через создание прямой внешней угрозы его территориальной целостности или нарушение его территориальной целостности посредством использования локальных вооруженных оппозиционных групп.

Полномасштабный вооруженный конфликт между крупными державами и их союзниками из-за энергетических и других природных ресурсов (в том числе пресной воды), арктических транспортных путей и территорий, а также других стратегически важных точек на планете представляется маловероятным. Ущерб от любого вооруженного конфликта для взаимозависимых крупных держав будет гораздо значительнее, чем гипотетические преимущества от решения споров военным путем. Тем не менее интенсивная гонка и крупномасштабное развертывание вооруженных сил и вооружений с целью получить контроль над вышеуказанными ресурсами будут формировать преимущественно конфронтационные отношения между главными международными игроками.

Открывающиеся возможности

Несмотря на растущие риски, может возрасти число военных операций под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) с целью установить либо сохранить мир, предотвратить геноцид, этнические чистки и чрезвычайные ситуации гуманитарного характера, или, возможно, не допустить техногенную катастрофу и защитить окружающую среду. Монополия государства на использование летального и иного насилия пошатнулась. В следующие 15–20 лет международные террористы и транснациональные преступные организации смогут использовать более широкий спектр средств ведения войны, в частности высокоточное оружие, кибератаки и биологическое оружие. Одновременно с этим, вероятно, увеличится количество операций, проводимых государствами для борьбы с ними.

Крупные державы и основные региональные игроки также могут совместно использовать силу, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия и доступ к нему террористов. Операции такого рода на многосторонней основе или в соответствии с мандатом ООН, а также региональные операции по обеспечению безопасности в течение следующих двадцати лет, скорее всего, будут проводиться чаще.

Контроль над вооружениями. В случае если геополитическая конкуренция ослабнет, для Франции, России, Китая и Индии ядерное сдерживание будет играть менее важную, чем сегодня, роль в обеспечении их безопасности. Если геополитическая конкуренция усилится, стимулы для ядерного разоружения будут гораздо слабее. Акцент будет смещен на технически передовые высокоточные наступательные и оборонительные вооружения дальнего радиуса действия, а также на концепции неядерного сдерживания. Если в сфере безопасности сложится более конкурентная среда, то ядерное оружие будет играть большую роль в военно-политических отношениях между крупными игроками и небольшими ядерными державами, а также между новыми ядерными и “пороговыми” странами.

Если крупные державы будут сотрудничать, Россия и Соединенные Штаты могут сократить свои ядерные арсеналы до 1000 стратегических и тактических боеголовок. Великобритания и Франция будут вовлечены в этот процесс к середине 2020-х годов. К этому времени международное сообщество может ввести в действие Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и заключить, по крайней мере между пятью крупными ядерными державами, соглашение о приостановке производства расщепляющихся материалов.

Если Индии и Пакистану (с помощью России, США и Китая) удастся избежать ядерного конфликта, в 2020-х годах Нью-Дели и Исламабад могут заключить договор об ограничении ядерных вооружений. В случае достижения военно-политической стабилизации на Ближнем Востоке и укрепления режима нераспространения ядерного оружия (особенно в отношении ядерной программы Ирана) Израиль, следуя примеру Южной Африки, к 2035 г. может отказаться от ядерных вооружений оперативного развертывания.

Израиль будет хранить свой материал для ядерных боеприпасов в хранилищах в соответствии с требованиями МАГАТЭ, но демонтирует взрывные устройства. В течение следующих двадцати лет политическая и экономическая система Северной Кореи может пережить коллапс и интегрироваться с Южной Кореей, после чего единая Корея откажется от ядерного оружия.

Китай может начать играть большую роль в контроле над ядерными и другими вооружениями, возможно работая на двусторонней основе с США. Большее участие Китая в контроле над вооружениями может быть мотивировано желанием Китая занять место России в качестве второй сверх-

державы, статус которой традиционно ассоциируется с привилегированной ролью партнера США по переговорам о стратегических вооружениях.

Космос: сотрудничество или гонка вооружений? Единственный способ предотвратить гонку вооружений в космосе – совершенствование правового режима деятельности в космическом пространстве, в частности путем расширения ограничений и запретов на размещение оружия на орбите и запрета на разработку вооружений наземного, воздушного и морского базирования, способных уничтожать объекты в космосе. Если глобальное соперничество усилится, в космическом пространстве может возрасти число инцидентов, подобных случайному столкновению российского и американского спутников в 2009 г. Кроме того, противники могут нарушать работу космических систем друг друга, что приведет к непредсказуемым социально-экономическим и военным последствиям.

Химическое и биологическое оружие. Независимо от того, будут ли крупные державы сотрудничать или соперничать между собой, к 2025 г., то есть намного позже, чем планировалось Конвенцией 1992 г., мировые запасы химического оружия будут полностью уничтожены.

Ситуация в сфере биологического оружия несколько иная. Режим запрета этих вооружений, установленный Конвенцией 1972 г., не включает в себя системы контроля. Введение новых многосторонних запретов и средств контроля над новыми видами биологического оружия (например, генной инженерии) возможно только при условии сотрудничества крупных держав.

Распространение и опасность атомной энергии. В попытках противостоять негативным изменениям климата человечество, скорее всего, обратится к более широкому использованию атомной энергии. Вызывает беспокойство тот факт, что этот рост будет происходить во многих нестабильных и подверженных конфликтам регионах мира. Наблюдающееся сейчас падение мировых цен на нефть может замедлить темпы развития атомной энергетики, но не изменит основную тенденцию.

В течение следующих двадцати лет граница между военным и мирным использованием атомной энергии, вероятно, окажется в значительной степени размытой, главным образом благодаря технологиям ядерного топливного цикла. Атомная энергетика (как и космическая отрасль, которая связана с ракетными технологиями) имеет

экономическое и политическое измерения в категориях статуса престижа и обороноспособности стран.

Ядерное оружие постепенно превратится из атрибута великих держав в “оружие бедных”, которое будет использоваться против превосходящих неядерных сил противника. Это увеличивает риск его преднамеренного или случайного применения в локальных войнах.

Вопреки логике, лежащей в основе Договора о нераспространении ядерного оружия, мирное использование атомной энергии не стало привлекательной альтернативой разработке ядерного оружия. Северная Корея использовала атомную энергетику в качестве прикрытия для разработки ядерного оружия, и на протяжении многих лет в том же подозревали Иран. К 2035 г. другие страны Азии, Африки и Латинской Америки, многие из которых являются нестабильными и/или участвуют в региональных конфликтах, также могут встать на этот путь.

Ужесточение режима ядерного нераспространения и успешное функционирование Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) требуют достижения консенсуса между всеми участвующими в нем странами (в настоящее время 190 государств), включая те из них, которые могут нарушить договор. Это труднодостижимо даже в самых благоприятных международных обстоятельствах и станет абсолютно невозможным в ситуации конфронтации между великими державами. В период 2016–2035 гг. еще больше стран подойдут к порогу обладания ядерным оружием, и в наихудшем сценарии распространение ядерного оружия может привести к расширению числа членов “ядерного клуба” с 9 государств до 15 или более. Это значительно увеличивает вероятность применения ядерного оружия в региональных конфликтах и получения террористами доступа к ядерным взрывным устройствам.

Предотвращение ядерного терроризма явно лежит в сфере общих интересов великих держав и их союзников, независимо от характера их отношений. Тем не менее сотрудничество между Россией, США и другими странами по обеспечению безопасности ядерных боеприпасов и материалов (как в двустороннем, так и в многостороннем формате) может быть восстановлено и расширено только при условии, что прекратится рост международной напряженности и крупные державы будут сдерживать соперничество в различных сферах.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: УСИЛИВАЮЩИЙСЯ ПОЛИЦЕНТРИЗМ

Источники нестабильности

К 2035 г. структура глобальной экономики претерпит радикальные изменения по причине различий в темпах роста развивающихся и развитых стран. По прогнозам ИМЭМО им. Е.М. Примакова, развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками будут, как и ранее, почти в два раза опережать развитые страны по темпам экономического роста. Начав после глубочайшего кризиса 2008 г. структурные реформы, развитые страны в последние несколько лет ускорили свой рост, однако в ближайшие два десятилетия не смогут вернуться к темпам, наблюдавшимся в них в 1990-е годы. ВВП развивающихся стран продолжит расти быстрее, чем развитых; их вклад в глобальный экономический рост также будет увеличиваться. В 1990 г. на развитые страны приходилось 59.8% глобального ВВП, к 2013 г. их доля сократилась до 43.3%. Мы ожидаем, что к 2035 г. доля развитых стран в мировом ВВП по паритету покупательной способности упадет до 32%.

Глобальная финансовая система также будет эволюционировать в сторону полицентризма. В течение двадцати следующих лет американский доллар (*USD*) сохранит свой статус глобальной резервной валюты, на него будет приходиться значительная доля (до 45%) глобальных финансов, в то время как сейчас на американский доллар приходится более 60%. В то же время, евро продолжит оставаться второй резервной валютой. Ее доля в глобальных финансах к концу прогнозного периода может составить 25–30%, в то время как в настоящий момент она находится на уровне 20–25%.

В ближайшие 10–20 лет появится третья резервная валюта. Этой новой общей валютой может стать китайский юань, на долю которого будет приходиться 10–15% глобальных финансов. Еще одна потенциальная возможность – возникновение новой паназиатской валюты, однако для ее воплощения потребуется больше времени и усилий, а шансов на ее реализацию в ближайшем будущем меньше.

Опережающий рост новых индустриальных стран и стран с формирующимися рынками все чаще будет приводить к значительным дисбалансам в их финансовых системах. Среди таких дисбалансов – расширяющиеся возможности для чрезмерно рискованного финансового поведения, более высокая доходность финансовых активов и волатильность их рынков, высокая инфляция, накопление долгов и проблемных активов, зависимость от иностранных источников финансирования.

Тем не менее значительная часть финансовых рынков будет функционировать в относительно более зрелых из числа развивающихся стран, увеличивая тем самым финансовую глубину глобальной экономики. Полицентричность системы валютных резервов и финансовой архитектуры, возможно, будет способствовать стабилизации глобальных финансов.

На национальном и международном уровнях будут введены в действие сложные системы пруденциального надзора, что приведет к ослаблению волатильности. В результате сложится финансово-экономическая среда с не слишком высокой волатильностью (меньшей, чем в 1890–1940-е годы, но большей, чем в 1950–1960-е), периодическими биржевыми бумами и обвалами, а также периодами, когда рынки будут выходить из-под контроля и разбалансироваться.

Таблица. Темпы ежегодного прироста ВВП, %, в среднем за период, по паритету покупательной способности, в постоянных ценах 2013 г.

	1991–2000	2001–2010	2011–2013	2014–2020	2021–2030	2031–2035
Весь мир	3.0	3.8	3.5	3.8	3.7	3.7
Развитые страны	2.7	1.7	1.4	2.3	2.6	2.6
США	3.4	1.6	2.0	2.7	2.8	2.8
ЕС	2.1	1.5	0.5	1.7	2.3	2.3
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	3.4	6.2	5.4	4.9	4.5	4.3
Китай	10.4	10.5	8.3	6.5	5.0	4.0
Индия	5.6	7.5	6.2	5.9	5.5	5.3
Бразилия	2.6	3.6	2.8	2.5	3.2	3.5
Россия	–3.9	4.8	3.0	2.5	3.5	4.0

Источник: расчеты ИМЭМО им. Е.М. Примакова.

Растущий регионализм. К 2035 г. глобальная финансовая модель изменится. В конце XX – начале XXI в. финансовые ресурсы мира аккумулировались и использовались финансовыми хабами, расположенными, в основном, в зоне “США + Великобритания + офшоры”. К 2035 г. возрастающая часть финансовых ресурсов будет включена в потоки, протекающие и концентрирующиеся в таких региональных кластерах, как ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и др. Более того, региональные финансовые системы будут становиться, в некоторой степени, замкнутыми по причине усиления региональной интеграции экономик и роста в них внутреннего спроса.

Англо-саксонская модель (“США + Великобритания + офшоры”) продолжит обслуживать наиболее крупных финансовых игроков, пропускающая через себя основные потоки капитала. Она будет играть ключевую роль в распределении финансовых ресурсов между региональными кластерами. “Капитализм акционеров” на основе англо-саксонской модели продолжит выполнять свои глобальные функции, состоящие в развитии финансовых инноваций и риск-менеджмента, венчурного финансирования, глобального ценообразования на биржевые товары и финансовые активы.

Значение региональных многосторонних финансовых институтов будет неуклонно возрастать. Развитие полицентричной финансовой архитектуры с ее субординированными кластерами приведет к относительному снижению роли Международного валютного фонда (МВФ), Мирового банка, Банка международных расчетов, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирной торговой организации (ВТО) в той части ее деятельности, которая касается регулирования финансовых услуг. “Большая двадцатка” может увеличить свое влияние на глобальную финансовую систему, создав собственную инфраструктуру для принятия решений в области финансов. Совет по финансовой стабильности, в который входят представители основных стран – участниц “большой двадцатки”, на которые приходится 90% мировых финансовых активов, усилит свою регулируемую роль.

Возрастет значение зон свободной торговли, общих рынков и валютных союзов. Эти институты послужат механизмами финансовой интеграции внутри региональных кластеров, а также финансовыми “мостиками” между ними. Зоны свободной торговли, соединяющие воедино трансатлантическую, транстихоокеанскую и евразийскую территории, приобретут особую важность.

Пессимистический сценарий

Сохранится цикличность (длинные циклы) развития экономики и финансового сектора. С середины 2010-х до начала 2020-х гг. прогнозируются расширение и увеличение объемов глобальных инвестиций, а также рост рыночной капитализации. Это будет сопровождаться ростом волатильности и системных рисков вплоть до середины третьего десятилетия XXI в.

Роль государства в предстоящем десятилетии повысится, а затем, через восемь-десять лет, этот тренд уступит место новой волне либерализации, приватизации, дерегулирования и структурных реформ, имеющих целью расчистить пространство для рыночных сил.

В рамках длительного цикла неизбежны локальные финансовые кризисы (“рябь” на поверхности длинной волны). По прогнозам ИМЭМО им. Е.М. Примакова, в ближайшие десятилетия произойдет пять или шесть значительных локальных кризисов. Они случатся либо в странах с формирующимися рынками (азиатские экономики, постсоветский рынок, Латинская Америка, исламские финансы) и будут вызваны сложившимися там дисбалансами, спекулятивными атаками и “финансовыми инфекциями”, либо в инновационных сегментах развитых рынков капитала из-за раздутия “пузырей” новой экономики и финансовых инноваций.

Длинные циклы колебаний курса доллара США к евро и к корзине мировых валют продолжатся (эти циклы наблюдаются с начала 1970-х годов). Связанные с этим циклические изменения в мировых ценах на сырьевые и финансовые активы, появившиеся с начала 2000-х годов, будут порождать волны финансовой нестабильности.

По мере накопления системных рисков периодически будет запускаться цепная реакция передачи “финансовой инфекции”, что будет приводить к трансграничным шокам и кризисам в реальной экономике.

В результате, возможны два сценария развития событий. Первый, наиболее вероятный сценарий заключается в ускорении глобализации и росте эффективности управления финансовыми рисками на макро- и микроуровне. В соответствии со вторым, менее вероятным, концентрация рисков в глобальных финансах достигнет настолько высокого уровня, что жизнеспособность финансовой системы окажется подорванной. Наконец, отдельные крупные риски могут усилиться в результате финансового (банковского, долгового, валютного и т.д.) кризиса и распространиться на

реальную экономику, что вызовет “водопад” социально-экономических проблем. В данном сценарии глобальные финансы и связанные с ними риски сыграют роль рычага, запускающего длительный процесс деградации мировой экономики.

К началу XXI в. развитие экономики, в особенности США, превратились в нетто-импортеров капитала из экспортно ориентированных стран (сырьевых экономик и “мастерских мира”), которые, соответственно, стали глобальными кредиторами. Перелом в сложившейся ситуации может произойти в случае изменения глобального экономического баланса. Если цены на сырье продолжат падение и/или совершится реиндустриализация развитых стран, то эти потоки развернутся. Финансовое восстановление развитых стран (которое должно проявиться в более высокой норме сбережения, в реструктурировании государственных финансов и снижении государственной задолженности) также могло бы помочь Соединенным Штатам и другим развитым экономикам вернуть себе роль нетто-экспортеров капитала.

Открывающиеся возможности

Будет происходить переход к комплексному управлению макрофинансовыми структурами и финансовым развитием с целью обеспечить устойчивый рост и сбалансированную структуру экономик. Финансовые власти при проведении своей политики будут оперировать такими традиционными для XX в. категориями, как ценовая стабильность, низкая инфляция, здоровое состояние государственных финансов и способность эффективно управлять обменными курсами и процентными ставками.

Помимо названных традиционных ориентиров, особое внимание будет уделяться регулированию таких показателей, как темпы экономического роста, структура собственности, модели привлечения капитала в экономику, финансовая глубина, структура инструментов привлечения капитала, норма сбережения, взаимосвязь сбережений и инвестиций, налоговая нагрузка, соотношение между государственными и частными финансами (корпоративными финансами и финансами домохозяйств), внутренние и внешние финансовые источники экономического роста, макропруденциальный надзор и снижение системных рисков.

Приоритет будет отдан тем аспектам развития финансовой системы, которые способствуют устойчивости экономического роста и сглаживанию его цикличности и чрезмерной волатильности.

Репрессивная система налогообложения финансовых транзакций, разработанная в начале 2010-х годов, постепенно уступит место поощрительной системе налогов, целью которой является привлечение ликвидности и долгосрочного капитала на местные рынки.

Продолжится переход к многоуровневой, полицентричной системе регулирования, которая сможет удерживать и стабилизировать “разросшиеся” глобальные финансы, растущие быстрее реальной экономики. Новая система финансового регулирования будет носить иерархичный характер и основываться на линейных, функциональных, региональных и проектных структурах. Продолжится перемещение финансового регулирования с национального на международный (в основном региональный) уровень.

Что касается самих международных финансов, то рынок будет более однородным благодаря гармонизации законодательной базы, все более широкому применению международных стандартов на макро- и микроуровнях, распространению наиболее успешных практик, повсеместному заключению договоров о совместном использовании информации, развитию программ “единого паспорта” для интегрированных рынков, введению общих правил для глобальных торговых платформ и крупных инфраструктурных компаний, общепринятых форматов раскрытия информации и всеобъемлющей международной статистики и т.п.

Нерегулируемые пространства финансовой деятельности могут сократиться. Сохранится тренд централизации регулирования, включая постепенный переход к единым системам раскрытия информации, обеспечения безопасности, клиринга и расчетов для всех внебиржевых финансовых транзакций, особенно тех, что имеют в своей основе нестандартные активы и инструменты, либо совершаются финансовыми компаниями, подвергающимися недостаточно жесткому регулятивному контролю.

В глобальных финансах будут созданы механизмы надзора за системными рисками и их минимизации. Наряду с поддержанием финансового здоровья отдельных стран основное внимание будет сосредоточено на выявлении перекосов в глобальной финансовой архитектуре, на устранении дисфункций в обслуживании потребностей реальной экономики и на отслеживании точек суперконцентрации рисков на различных стадиях экономических циклов.

На глобальном и региональном уровнях будет создана система количественных ограничений, нацеленная на “укрощение” волатильности (оптимальные валютные зоны, согласованные параметры монетарной, процентной и фискальной политики, потолки инфляции, лимиты государственного долга, требования достаточности капитала, ограничение банковского левириджа и др.). Также будут предприниматься попытки введения ограничений на развитие рынков деривативов и структурированных финансовых продуктов.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР: РОСТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Источники нестабильности

“Сланцевая революция” в Соединенных Штатах и отказ Саудовской Аравии и других арабских монархий поддерживать высокие цены на нефть в 2014 г. привели к значительному падению цен на углеводороды, положив начало процессу реструктуризации на всех энергетических рынках. В ближайшие годы мировой энергетический сектор будет находиться в состоянии ценовой и инвестиционной неопределенности.

Мировой спрос на нефть вырастет до 91,5 млн. барр. в сутки в 2020 г. и 99 млн. барр. в сутки в 2035 г. На Китай будет приходиться почти две трети прироста мирового потребления нефти. В то же время мировое потребление нефти может достигнуть максимума и раньше, если китайская экономика замедлится быстрее, чем ожидалось, а экономике Индии не удастся достичь высоких темпов роста, предсказанных во многих прогнозах.

Спрос на уголь достигнет своего максимума еще раньше. Страны ОЭСР, по наиболее вероятному сценарию, пройдут пик своего потребления угля к 2020 г. В случае если международное сотрудничество по проблемам климата принесет плоды и будут приняты юридически обязывающие меры по ограничению выбросов парниковых газов, пик потребления угля в Китае может оказаться отложенным до 2020–2025 гг., а в развитых странах – до 2030–2035 гг.

Открывающиеся возможности

Время убедительно опровергло теорию о том, что после того как человечество достигнет пика добычи нефти, последует нехватка энергетических ресурсов, сдерживающая рост мировой экономики. Фактор исчерпаемости энергетических ресурсов не будет ограничивать экономический рост.

Разведанных мировых запасов нефти достаточно для удовлетворения потребности в нефти в течение ближайших пятидесяти трех лет, а запасов природного газа хватит на пятьдесят пять лет. “Сланцевая революция” продемонстрировала, как быстро может развиваться инновационное производство на основе прорывных технологических достижений. Можно ожидать, что технологии, разработанные в секторе нетрадиционных углеводородов, будут использоваться в обычной нефтегазовой отрасли, что увеличит количество ресурсов, пригодных для переработки, и поможет поддержать конкурентоспособность углеводородного топлива.

Производство электроэнергии на ветряных и солнечных установках продолжит расти более быстрыми темпами, в том числе благодаря тысячам частных компаний, работающих в этом секторе. Существует также весьма развитая система финансирования проектов в данной области. Однако по причине изначально скромного размера сектора и высоких издержек производства возобновляемые источники энергии смогут обеспечить не более 2–3% мирового потребления энергии к 2020 г. и 4–5% – к 2035 г. Некоторые развитые страны, особенно входящие в ЕС, активно содействуют развитию сектора возобновляемых источников энергии посредством государственных субсидий и административных рычагов. В этих странах возобновляемые источники энергии могли бы обеспечивать 6–7% общего потребления энергии к 2035 г. Низкая стоимость нефти и природного газа несколько замедлит использование новых источников энергии в транспортном секторе, но, вероятно, не окажет влияния на их применение в электроэнергетике, особенно в Европе.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ГЕНЕРАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ

Мы вступаем в эпоху, когда новые технологии начинают оказывать влияние на социально-экономическую сферу, забирая у людей работу. При этом неизвестно, когда и каким образом будут созданы новые, хорошо оплачиваемые рабочие места, способные возместить эти потери.

Источники нестабильности

Перед нами – будущее, в котором технологии замещают труд, а автоматизация замещает техникой не только людей на рабочих местах, но и человеческое знание. В ближайшее десятилетие роботы будут вытеснять людей со все более широкого спектра рабочих мест, что создаст как

проблемы, так и возможности для борьбы с негативными экономическими эффектами старения населения и дефицитом квалифицированных специалистов во многих странах.

Нынешняя технологическая революция, как и предыдущая, конструирует реальность, в которой целое представляет собой нечто большее, чем сумма его частей, поскольку технологии несут с собой синергетический эффект. Это будущее стало возможным благодаря инновационному применению многолетних разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта, анализа больших массивов данных, алгоритмов, зарождающегося “Интернета вещей”, а также созданных с помощью нанотехнологий новых материалов, например графена.

Происходит нечто большее, чем просто переход на новые способы использования сырья – стали, алюминия, а также пластика и других материалов – и производства из них различных товаров. Нынешняя технологическая революция сделала возможной материализацию цифровой информации. Теперь объект, разработанный с помощью компьютерного дизайна, или отсканированный материальный объект могут быть воссозданы путем преобразования цифровых битов в материальные атомы. Это может быть сделано дистанционно с помощью передачи цифрового файла через Интернет, и 3D-объект может быть воспроизведен в любой точке мира. Здесь заложены возможности сокращения и даже полной ликвидации производственных цепочек и сборочных линий для многих продуктов.

Пессимистический сценарий

Малоквалифицированный и ручной труд, вероятно, будут вытесняться такими новыми технологиями, как автоматизация и “искусственный интеллект”. Исчезновение прежде надежных профессий увеличит неравенство доходов, и правительства, чтобы добиться более справедливого перераспределения доходов, окажутся перед необходимостью принимать такие политически спорные меры, как повышение налогов на богатых.

Уже идут споры о нравственных аспектах использования беспилотных летательных аппаратов на войне. Ведение войны с помощью пульта дистанционного управления распространится еще шире, когда роботы смогут заменить солдат пехоты. Основным аргументом противников использования роботов заключается в том, что на поле боя нельзя передавать им право принимать решение о

жизни и смерти реальных людей. Пока нет гарантии, что не будет жертв среди безоружных гражданских лиц или случайных прохожих, вероятно, не будут широко применяться и полицейские роботы. Морально оправданным может выглядеть применение роботов в боевых ситуациях – например, когда использование “живых” солдат сопровождается значительным риском для их жизней. Террористические группы будут гораздо меньше озабочены вероятностью сопутствующего ущерба в случае применения роботов.

Какими бы умными ни были машины, всегда остается вероятность ошибки. Чем серьезнее будут происшествия, тем менее склонны будут правительства и общественность использовать “искусственный интеллект”, несмотря на все его преимущества, для обслуживания важнейших инфраструктурных объектов и систем.

Открывающиеся возможности

Новые технологии – трехмерная печать, нанопроизводство, нанобиотехнологии, робототехника, еще более сложный искусственный интеллект, а также индивидуализированное медицинское обслуживание – станут драйверами роста местного, индивидуализированного и узкоспециализированного производства. Когда стоимость этих технологий начнет снижаться, в этот сектор придут малые и средние предприятия (только в США их насчитывается около 300 тыс.). Несложно представить себе малый бизнес, который с помощью 3D-принтеров изготавливает на заказ индивидуализированную продукцию, а с помощью умеющих адаптироваться и обучаться роботов (например, *Baxter*) упаковывает и реализует ее.

Развивающиеся страны могут в наибольшей степени выиграть от развития трехмерной печати и других новых технологий, когда стоимость последних снизится. Сегодня африканские страны импортируют многие товары первой необходимости, которые в будущем могли бы легко производиться с помощью 3D-принтеров. Расходы на запуск такого производства, включая компьютер, печатающие устройства, материалы и доступ в Интернет, составляют менее 10 тыс. долл. Обычная фабрика стоит намного больше. Мы уже видели, как массовое производство мобильных телефонов смогло сыграть преобразующую роль в сложных экономических условиях. Несложно представить себе, что трехмерная печать и другие новые технологии, большинство из которых не требуют значительных инвестиций в инфраструктуру, также смогут принести пользу странам с низким уровнем дохода.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

**Евроатлантическое пространство:
огромный потенциал,
но и большие проблемы**

Несмотря на политические различия, Северная Америка, Европа и Россия/Евразия с объединяющими их интересами и близостью культуры обладают наибольшим потенциалом для создания общего экономического пространства. Такое пространство могло бы к 2035 г. стать лидером по интенсивности торговых и инвестиционных потоков, несмотря на стремительное усиление развивающихся рынков. Потенциал более тесных связей в науке и технологиях (*S&T*) также не должен недооцениваться. С геополитической точки зрения Соединенные Штаты, Европа и Россия одинаково заинтересованы в снижении напряженности на Ближнем Востоке, и им всем предстоит еще долгие годы бороться с различными формами терроризма и экстремизма.

На пути к созданию общего глобального рынка значимую роль будет играть развитие Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Это будет способствовать экономическому, финансовому и технологическому сотрудничеству США с Китаем, который в течение 10–15 лет, вероятно, присоединится к этой организации.

Несмотря на наличие общих интересов, усиление политического популизма и национализма может сделать сближение Северной Америки, Европы и России/Евразии невозможным. В странах этих регионов существует множество периферийных территорий, которые обладают меньшей конкурентоспособностью, слабо связаны с основными центрами НИОКР (*R&D*) и лишь в ограниченной степени используют достижения информационной революции. Таким образом, неравенство будет сохраняться. Даже многие процветающие страны в Северной Америке и Европе сталкиваются с угрозой нарастания бедности.

Миллионы людей в развитых странах, скорее всего, окажутся функционально неграмотными и будут не в состоянии использовать преимущества технологического прогресса.

Одним из наиболее серьезных вызовов для стран Евроатлантического региона в следующие двадцать лет может стать растущее число иммигрантов из государств с иной культурой.

Потенциал достижения высоких темпов роста ВВП будет возрастать по мере усиления региональной интеграции. Без необходимой степени интеграции регион, на который сегодня прихо-

дится более половины глобального ВВП, рискует резко потерять свои лидирующие позиции в сфере экономики.

Азия: баланс сил смещается

В течение следующих двадцати лет *Китай* в возрастающей степени будет играть роль основного конкурента США в военной, экономической и технологической сферах.

Его значение в качестве движущей силы развития науки, технологий и промышленного развития других регионов, в частности Евразии, будет усиливаться. Пекин столкнется с выбором: либо присоединиться к структурам, инициированным США (например, к ТТП), либо опираться на соглашения о свободной торговле, инициированные Китаем, в которые Вашингтон не приглашается. Хотя первый вариант влечет за собой риски, связанные с необходимостью подчиняться американским правилам, он все же представляется более вероятным в связи с растущей вовлеченностью Китая в глобальные политические и экономические процессы. Риски второго варианта заключаются в вероятности перехода партнеров Китая, в силу экономических и политических причин, на те площадки и в те ассоциации, которые работают по американским правилам.

Если проект сопряжения Шелкового пути и Евразийского экономического союза в течение 15–20 лет окажется успешным, возможен и третий вариант. Такое развитие событий послужит стимулом для более тесного сотрудничества с ЕС.

Учитывая развитие капитализма и усилия, направленные на борьбу с коррупцией, в Китае ощущается необходимость политических реформ, в особенности в связи с тем, что страна стремится развивать свой инновационный потенциал. Нынешняя антикоррупционная кампания председателя КНР Си Цзиньпина показывает, что руководство страны понимает необходимость реформ для сохранения нынешнего положения и легитимности правящей партии. Самый большой вызов для китайского руководства будет заключаться в разработке более полной концепции демократизации.

Китай, безусловно, не станет сопоставимым с США лидером в международных отношениях. Политику Китая будут ограничивать опасения чрезмерного напряжения сил в попытке объять необъятное. Китай хочет избежать попадания в ловушку вовлечения в глобальные проблемы типа ближневосточной, подобно тому как, по его мнению, это случилось с Соединенными Штатами.

Япония будет играть в регионе менее значимую роль, в первую очередь из-за двойственной природы целей Токио. С одной стороны, Токио стремится поддерживать союзнические отношения с США для обеспечения безопасности Японии, одновременно усиливая собственный оборонный потенциал. С другой стороны, для достижения устойчивого экономического роста Токио будет необходимо укреплять свои экономические связи с Китаем и другими региональными державами, хотя Китай по-прежнему является для Японии наиболее серьезным стратегическим вызовом. Продолжающееся сопротивление масштабному притоку иностранной рабочей силы и открытию традиционно закрытых для международной конкуренции секторов будет препятствовать более глубокому вовлечению Японии в либерализацию на региональном уровне.

Индия с большой вероятностью сможет достигнуть высоких темпов экономического роста, если стране удастся поднять уровень образования и обеспечить баланс интересов основных социальных и политических групп. С точки зрения геополитики страна вынуждена двигаться в нескольких направлениях. Испытывая беспокойство относительно доминирования Китая, она вместе со странами Юго-Восточной Азии будет развивать сотрудничество в области безопасности с США. Одновременно с этим торговый оборот с Китаем и объем инвестиций растут. При этом Китай становится более значимым игроком в Центральной Азии на северной границе Индии, а США и НАТО, напротив, уменьшают свое присутствие в регионе.

АСЕАН не станет локомотивом тихоокеанской интеграции, несмотря на то, что эта организация ориентирована на снижение внутренних барьеров и развитие сотрудничества между странами-участницами.

Попытки решить проблемы **Корейского полуострова** путем переговоров между основными региональными державами вряд ли будут успешными. Единственным решением для снижения напряженности на Корейском полуострове могло бы стать мирное воссоединение страны, что не произойдет без фактического коллапса власти на Севере.

Территориальные споры по-прежнему будут угрожать безопасности всего азиатского региона. Развитие диалога в сфере безопасности между Россией и Китаем, с одной стороны, и США, Японией и Южной Кореей – с другой, а также вовлечение Китая в международные переговоры относительно стратегической стабильности могли бы

стать ключом к созданию новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ближний Восток: самовоспроизводящееся насилие

Ближний Восток будет тем регионом, который к 2035 г. изменится до неузнаваемости. Здесь национальные государства сталкиваются с более серьезными угрозами, чем где бы то ни было, из-за существования глубоко разделенных сообществ, а также из-за внешнего вмешательства в ситуацию в таких крупнейших странах, как Ирак и Сирия. Сегодняшние межгосударственные границы, многие из которых были проведены в результате Первой мировой войны, вряд ли останутся неизменными. Неизбежно формирование в регионе новых государств, равно как и фрагментация существующих. К 2035 г. использование природного органического топлива достигнет пиковых значений, доходы целого ряда стран Ближнего Востока будут сокращаться. Возникшее благодаря высокой рождаемости преобладание в структуре населения молодежи начнет постепенно исчезать, так и не принеся “демографического дивиденда”. Основным вопросом останется степень распространения конфликта к 2035 г.: захватит ли он весь регион или будет ограничен и начнет угасать.

Безъядерный статус Ирана повысит шансы на укрепление безопасности в регионе. Однако также вероятен сценарий, при котором соседние страны будут воспринимать Иран как государство с ядерным потенциалом, несмотря на недавние договоренности с Западом, и при этом очень опасное государство. Последний вариант может запустить ядерную гонку вооружений в регионе. Также вероятна холодная война между суннитами и шиитами – в случае, если противостояние не перерастет в вооруженный конфликт. Позитивные сценарии для региона не исключены, однако в ближайшие годы маловероятны.

Развитие ситуации на Ближнем Востоке будет иметь огромное значение и для международной системы за пределами региона. Масштабный конфликт увеличит опасность намного более стремительного распространения джихадизма, усиливая террористическую угрозу в Европе, России и США. В случае если конфликт приведет к закрытию Ормузского пролива, прекратив доставку нефти в Азию и Европу, глобальная экономика понесет большие потери. Учитывая то, какое влияние может иметь полномасштабный конфликт на Ближнем Востоке на интересы других стран, он способен, как ни странно, привести к укреплению связей между великими державами – США,

Европой, Китаем, Японией, Индией и Россией. Все они могут пострадать в случае такого крупного конфликта, и поэтому заинтересованы в том, чтобы совместно предотвратить его развитие.

**Африка к югу от Сахары:
растущие возможности,
но и серьезные вызовы для развития**

Африка к югу от Сахары к 2035 г. останется единственным регионом мира с преимущественно молодым и растущим населением. Если препятствия на пути к экономическому развитию не будут преодолены, это будет иметь долгосрочные последствия для всего мира, так как к 2035 г. и в дальнейшем жители африканских стран будут составлять более значительную часть населения планеты. Есть ряд позитивных свидетельств того, что африканские экономики начинают двигаться в нужном направлении, однако нынешний прогресс недостаточен для полной уверенности в светлом будущем всего региона. В 2035 г. Африка, скорее всего, будет оставаться регионом контрастов и противоречий.

Африка является одним из наиболее быстрорастущих регионов мира, однако шестнадцать из первых двадцати стран в индексе нестабильных государств (*Fragile State Index*) журнала *Foreign Policy* расположены в Африке.

- На континенте находится большая часть необрабатываемых пахотных земель мира, однако он также отличается самой низкой производительностью сельского хозяйства и выступает в роли нетто-импортера продовольствия.

- Африка является крупным экспортером энергетического сырья, однако источником половины ее энергии является биомасса, а у каждого четвертого африканца нет возможности пользоваться электричеством.

- На континенте распространяется демократия, однако существует дефицит качественного государственного управления; при этом до трети африканских стран погрязли в гражданских конфликтах различной степени тяжести.

Большая доля населения работоспособного возраста была ключевым ингредиентом развития стран Азии. Ежегодный прирост населения в Африке составляет 2.2%, то есть более чем вдвое превышает аналогичный показатель для азиатских стран (0.9%). Хотя ожидается замедление ежегодного прироста до 2%, к 2035 г. население Африки, по прогнозам, достигнет 1.6 млрд. человек. Уже сейчас в регионе самое молодое население в мире – более половины его жителей моло-

же двадцати пяти лет, а медианный возраст равен восемнадцати годам. Почти 200 млн. африканцев находятся в возрасте между пятнадцатью и двадцатью четырьмя годами.

Нигерия является самым большим африканским государством и крупнейшей экономикой континента, и при этом представляет собой наибольший повод для беспокойства. Страна приняла некоторые меры по преодолению коррупции и повышению прозрачности управления и часто рассматривается в качестве нового направления инвестиций в сфере обрабатывающей промышленности и услуг с возможностями для их дальнейшей диверсификации. Однако социально-экономическая ситуация в стране отличается значительными диспропорциями, сформировавшимися вследствие неравномерного распределения нефтяных доходов. Кроме того, в стране существуют этнические и религиозные различия. Одним из показателей слабости управления является неспособность власти справиться с исламистской угрозой стабильности государству со стороны организации “Боко Харам”. Эта группировка за последние два года стала более опасной, сегодня она контролирует значительные части территории на северо-востоке страны – по некоторым оценкам, до 15% территории Нигерии.

Сегодня вызовы, стоящие перед Африкой, в огромной степени связаны с развитием сельского хозяйства. Однако при этом регион вполне готов к преобразованиям, подобным прошедшей в 1960-х и 1970-х годах в других регионах мира “зеленой революции”, что является необходимым условием устойчивого развития. Повышение производства до уровней, сопоставимых с китайскими или индийскими, будет означать удвоение производства зерна в Африке и, по некоторым оценкам, приведет к 10–12% увеличению мирового производства продовольствия.

Для того чтобы экономический рост на континенте, достигнутый в прошлом десятилетии, продолжался, необходимо усовершенствовать подходы к использованию ресурсов, урегулировать давние конфликты, повысить качество государственного управления и обеспечить верховенство закона, а также сделать качественный рывок к функционирующей региональной интеграции.

**Латинская Америка:
отставание от Азии
в попытке догнать Запад**

Основной вопрос относительно будущего данного региона состоит в том, сможет ли он сохранить набранные темпы экономического роста,

оказавшие существенную поддержку мировым сырьевым рынкам, особенно в условиях снижения темпов роста в Китае. Регион испытывает сложности в связи со скромными темпами производительности – они ниже, чем в среднем по странам ОЭСР. Для того чтобы повысить производительность, страны региона должны будут в еще большей степени, чем это уже сделано, увеличить инвестиции в образование. Уровень образования в Латинской Америке все еще ниже, чем в развитых странах. Помимо этого, расходы на исследование и разработки (*R&D*) остаются невысокими. Инвестиции в инновационный сектор в регионе составляют 13% ВВП, в то время как в среднем по странам ОЭСР этот показатель равен 30%.

Демографические тренды в регионе никогда еще не были такими благоприятными, как сегодня, однако к 2035 году население латиноамериканских стран начнет “стареть”. Страны региона должны будут приложить значительные усилия для того, чтобы использовать свой “демографический дивиденд” в течение этого достаточно короткого периода времени.

Существует риск, что многие из тех латиноамериканцев, кто с недавних пор принадлежит к среднему классу, вновь окажутся за чертой бедности, что вызывает опасения распространения политического популизма.

39% людей, принадлежащих к среднему классу в Латинской Америке, рискуют потерять свой новоприобретенный статус, если в ближайшие годы произойдет снижение траектории экономического роста (оценка Института Брукингса).

Еще одна угроза с точки зрения управления исходит со стороны все еще высокого уровня организованной преступности и беззакония в регионе.

Латинская Америка становится все более и более разделенной. Государства тихоокеанского бассейна и северной части континента вовлекаются в реализуемые по инициативе США торговые инициативы, сфокусированные на Азию. До недавних пор Бразилия в своем экономическом и социальном развитии ориентировалась на Европу, однако сейчас оказывается во все большей зависимости от Китая. Существуют различия с точки зрения моделей развития: чуть более половины регионального ВВП производится в тех латиноамериканских государствах, которые следуют модели открытых и свободных рынков; другая же половина относится к странам с большей степенью государственного регулирования, к числу которых принадлежат, в частности, Боливия, Эквадор и Венесуэла. Учитывая столь серьезные

разделительные линии внутри региона по различным критериям, остается неясным, приобретут ли столь сильно различающиеся между собой и по своим перспективам латиноамериканские страны значимый единый голос на мировой политической сцене даже к 2035 году.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК НЕИЗБЕЖЕН, НО КАКИМ ОН БУДЕТ?

Впервые после окончания холодной войны многие страны начинают предлагать конкурирующие версии нового мирового порядка. Помимо активизации на мировой арене таких крупных держав, как Китай и Индия, расширяется слой быстро возвышающихся “средних держав” (в первую очередь это Бразилия, Индонезия, Иран, Нигерия, Южная Африка, Южная Корея, Турция), которые играют все более важную роль в региональной безопасности и формировании глобальных правил игры. Некоторые из них – как с демократическими (либеральными и нелиберальными), так и с авторитарными режимами – испытывают неприязнь к созданным и контролируемым США и Западом глобальным институтам, управляющие структуры которых в целом не изменились с 1947 г. Происходящая смена парадигм глобального управления проявляется в самых разных видах: создание странами БРИКС (Россия, Китай, Индия, Бразилия и Южная Африка) собственной площадки для диалога и своего банка развития; продвижение Китаем мегастратегии “Один пояс и один путь” и учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) для ее финансовой поддержки; превращение Турции в нелиберальную демократию и ее “отдаление” от США и ЕС; все большее усиление радикальных исламистов и их стремление к столкновению цивилизаций.

Сегодня мир фрагментирован и находится в беспорядке, но не является многополярным в классическом смысле этого слова, когда присутствуют приблизительно равные между собой полюса. США остаются единственной военной сверхдержавой с самым большим военным бюджетом в мире. Тем не менее, как это наглядно видно на примере войн в Ираке и Афганистане, военная сила малопригодна для решения региональных проблем. Так, военное вмешательство извне не может содействовать стабильному развитию и модернизации на Ближнем Востоке. Решения таких глобальных проблем, как бедность, различные заболевания или изменение климата, скорее, можно ожидать в результате деятельности государственно-частных партнерств, нежели посредством дипломатических договоренностей между странами или военных действий.

В формирующемся “постзападном” мироустройстве развивающиеся страны все чаще подвергают сомнению западные нормы и политику, которую они воспринимают в качестве угрозы национальному суверенитету. Так, политика, связанная с продвижением определенных ценностей, например, продвижение демократии или концепция “обязанности защищать” (*R2P*), вызывает резкое противодействие не только со стороны авторитарных государств, но и многих развивающихся демократий, которые беспокоятся о сохранении национального суверенитета. Например, Индия отказывается “называть и порицать” другие страны с целью смены режима. Существенно снизилась легитимность так называемых “гуманитарных интервенций”, подобных вмешательству в ситуацию в Ливии в 2011 г., которое позволило свергнуть Муаммара Каддафи, но вызвало внутренний вооруженный конфликт.

Временной лаг между перераспределением силы в международных отношениях и тем, как оно отражается в структуре международных институтов, вызывает негативные эмоции в развивающихся странах и затрудняет решение глобальных проблем. Страны могут без особых усилий блокировать такие глобальные действия, как Киотский протокол об изменении климата или Дохийский раунд переговоров об условиях мировой торговли, или усилия ООН, направленные на достижение соглашения по запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Все яснее проявляется тенденция к созданию альтернативных институтов, начиная с инициативы Чианг Май, вызванной к жизни азиатским финансовым кризисом 1997–1998 гг., и заканчивая созданным по предложению Китая Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. Это еще больше усложняет налаживание международного сотрудничества для решения глобальных проблем.

Четыре возможных сценария развития миропорядка

Вероятность дезинтеграции международного порядка, основанного на росте взаимозависимости, сейчас выше, чем когда-либо в прошлом. Сегодня представляется труднореализуемой возможность построить инклюзивный и интегрированный мировой порядок, когда соперничество между странами удерживалось бы под контролем и существовало широкое пространство для сотрудничества. Ниже мы представляем описание различных вариантов нового мироустройства и того, каким образом они могут возникнуть из

единой точки старта – сегодняшнего слабеющего международного порядка.

Новая холодная война

Уинстон Черчилль в 1946 г. сказал: “Новый занавес опускается и разделяет мир”. Эти слова снова могут стать актуальными. Так же, как в самом начале холодной войны, установление равновесия в таком мировом порядке будет невероятно сложным. Страны не имеют представления о “красных линиях” друг друга. Крупный конфликт между государствами больше не представляется невозможным. Национализм поднимает свою уродливую голову. Полным ходом идет пересмотр истории. Глобализация кажется обманом – несмотря на то что благодаря ей множество людей смогли выбраться из бедности, Восток и Юг видят в ней механизм для продвижения интересов Запада. На Западе считают, что пользу от глобализации получают оппоненты США и их союзники.

В этом сценарии не исключается возможность войны между крупными державами: сначала на границах России в связи с продолжающимся конфликтом на Украине, а затем в Азии, где сталкиваются США и Китай. ООН парализована. От “большой двадцатки” остается лишь пустая оболочка. Китай выходит из МФВ и Всемирного банка. Китайские студенты спешно покидают США.

Глобализация остается цикличной. Ее первый всплеск завершился Первой мировой войной. В начале двадцать первого века казалось, что глобализация – навсегда. Однако в данном сценарии новая война может вновь прервать прогресс глобализации.

Евразия в роли лидера

В этом сценарии санкции против России заставляют ее переориентироваться на Восток, в первую очередь в сторону Китая, Индии и Тихоокеанской Азии в целом. Россия видит в Азии свое энергетическое будущее, а контракты почти на полмиллиарда долларов, заключенные с Китаем, стимулируют ее несбалансированную экономику.

В лице России Китай вместо соперника приобретает ценного партнера для стабилизации и модернизации Евразии, которую Китай уже рассматривает не как задворки, но как свое экономическое будущее. Китайская стратегия “Один пояс и один путь” превращает традиционную уязвимость Китая – границу с четырнадцатью странами – в ее стратегическое преимущество.

Успешное многостороннее партнерство в Евразии дает новый импульс развитию региона. Эконо-

мическое развитие в свою очередь помогает бороться с растущим экстремизмом, угрожающим Москве, Пекину и государствам Центральной Азии. Китай и Россия используют свой успех как доказательство эффективности “незападной” этатистской модели капитализма с централизованной властью. Африка и Латинская Америка, куда Китай своей экономической щедростью уже проложил путь, извлекают уроки из интенсивного развития Евразии.

Китайско-российское сотрудничество распространяется на другие сферы, включая ООН, ВТО и другие институты Бреттон-Вудской системы. Что еще более важно, Россия и Китай развивают Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и превращают ее в ключевую организацию в регионе. Индия и Пакистан уже в ШОС: организация становится местом, где Китай и Индия начинают преодолевать существующие противоречия и строить сотрудничество. ШОС может стать площадкой, где снизится напряженность между Индией и Пакистаном аналогично тому, как ЕС и НАТО помогли завершить длившийся столетиями конфликт между Германией и Францией.

Новый “глобальный концерт наций”

Впервые после глобального кризиса 2008 г., когда глобальная экономика оказалась под угрозой и лидеры “двадцатки” вынуждены были работать вместе, чтобы предотвратить всемирную депрессию, реальная перспектива ядерной войны сводит вместе западных лидеров и лидеров развивающихся держав.

В одиночку Запад не располагает ни желанием, ни возможностью разрядить военную напряженность на Ближнем Востоке и в Южной Азии. В качестве глав ядерных держав, российские и китайские лидеры заинтересованы в предотвращении распространения оружия и недопущении на Ближнем Востоке войны Израиля и Саудовской Аравии против Ирана. Такая война, как в 2008 г., подорвет глобальную экономику, может дестабилизировать экономику Китая и России, а также их политическое положение. Для западных лидеров ставки также очень высоки.

Образовавшийся “глобальный концерт наций” запускает заново всеобъемлющий процесс контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия. “Большая двадцатка” усиливается и превращается в новый Совет Безопасности ООН. Азиатским странам предоставляется гораздо более значительная роль в институтах Бреттон-Вудской системы. Отправленные на Ближний Восток миротворческие силы дают пример успешных совместных усилий в условиях полицентричности.

НАТО, Китай, Индия и Россия совместно руководят операцией на Ближнем Востоке и осуществляют координацию. Это похоже на то, как если бы Венский конгресс возродился в новом облике, соответствующем реалиям глобального полицентричного мира.

Мир трещит по швам

Великие державы вступают на путь конфронтации друг с другом, и движение по этому пути длится до тех пор, пока каждая из них не начнет разваливаться изнутри. Как в игре в боулинг, великие державы одна за другой начинают падать, как кегли. При этом роль сбивающего шара выполняет не война держав друг с другом, а внутренний распад, все более поражающий их в условиях, когда глобализация разъедает социальную сплоченность, технологическая революция отнимает у людей работу, а жители ощущают неспособность правительств справиться с этими вызовами. Развитые демократии оказываются такими же уязвимыми, как и авторитарные государства.

Из-за неспособности всех ведущих держав справиться с ситуацией, тлеющий конфликт между суннитами и шиитами перерастает в ядерную войну. Обещания по борьбе с изменением климата не выполняются. Меры, необходимые для того, чтобы не допустить повышения температуры на планете, не предпринимаются. Мир движется по пути к значительному повышению средней температуры к концу столетия, и решать связанные с этим проблемы предстоит будущим поколениям.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Мы видим, что сегодня существует поле критически важных общих интересов, которое создаст платформу для взаимодействия ведущих стран даже в период усиливающихся глобальных разногласий. Без лидерства со стороны России, США, Европы и Китая не могут быть разрешены следующие вопросы:

- противодействие распространению ядерного оружия и оружия массового уничтожения;
- противодействие религиозному экстремизму;
- развитие международной торговли;
- защита глобальной окружающей среды (включая океаны и изменение климата);
- разработка и введение в действие единых правил поведения в мировом морском, воздушном, кибер-, а также космическом пространствах.

Мир, в котором отсутствует согласие между ведущими державами, будет нести угрозу интересам

и будущему каждого. Разработка инклюзивных механизмов решения основных проблем – таких как формат P5+1 в переговорах с Ираном по ядерной проблеме – будет играть ключевую роль для их успешного разрешения и поможет преодолеть существующие разногласия. Еще одним примером может служить работа шестистороннего формата (Россия, США, Китай, Япония, Северная и Южная Корея), позволившая постепенно уменьшить различия между сторонами и достичь консенсуса между пятью основными сторонними акторами в их политике в отношении Северной Кореи.

Наихудшим вариантом развития событий при существующих различиях может стать возникновение нового биполярного противостояния между Россией и Китаем, с одной стороны, и США и Европой – с другой.

Риск фрагментации глобальной системы усиливается, несмотря на экономическую и технологическую взаимозависимость, а также наличие общих задач в сфере охраны окружающей среды. В фрагментированном биполярном мире можно ожидать ужесточения соперничества различных идей и концепций регионального и глобального порядка (например, принципов европейской безопасности и китаецентричных институтов, предлагаемых Пекином). Для того чтобы противостоять растущей фрагментации, “большая двадцатка” должна превратиться в институт, представляющий собой главную площадку глобального экономического управления и увеличить свою роль с целью формирования политического консенсуса.

И США, и России придется принимать ключевые стратегические решения, чтобы успешно лавировать во все более коварных водах глобальной взаимозависимости.

Стратегический выбор России. Россия является одновременно и европейской, и тихоокеанской державой со значительными военно-экономическими интересами на Востоке и, одновременно, важнейшими историческими, экономическими и культурными интересами в Европе, включая обеспечение своей безопасности. Для России остается критически важным добиваться включенности в трансатлантическую архитектуру экономики и безопасности одновременно с развитием широкого сотрудничества со своими соседями в Евразии, включая Китай.

Стратегический выбор США. Двигаясь от былого главенства в мировой иерархии к статусу “первого среди равных”, Соединенные Штаты будут вынуждены обновлять международную систему с тем, чтобы она учитывала новый вес развивающихся экономик. Поиск путей преодоления различий с точки зрения интересов и ценностей позволит пре-

дотворить фрагментацию системы и сохранить ее открытость для свободного обмена товарами, технологиями и идеями. Конфликт на Украине стал центральной точкой новой вспышки разногласий между Россией и США/Европой, хотя в долгосрочной перспективе ситуация может измениться.

Авторы работы полагают, что существуют сферы, где США и Россия имеют общие интересы, и сферы, где существует значительное расхождение и где необходимы усилия для их преодоления:

- Ни США, ни Россия не заинтересованы в том, чтобы Украина превратилась в распадающееся, нестабильное государство, равно как и в продолжающемся разрушении экономики ее восточных регионов.

- Украина (и Россия) могли бы иметь торговые соглашения и с ЕС, и с ЕАЭС. Украинская торговля ведется в обоих направлениях.

- Переговоры по урегулированию кризиса на Украине должны быть направлены на поиск баланса интересов России, США и ЕС. Для США и ЕС российские действия представляются нарушением суверенитета другой страны; для России речь идет о ее исторических интересах, культуре, идентичности и уважении к российским интересам на постсоветском пространстве.

- Стабильная, процветающая и нейтральная в военном отношении Украина, интегрированная в региональную и глобальную экономику, отвечает интересам всех сторон. Необходимо уйти от очередного “замороженного конфликта” и определить взаимоприемлемые договоренности и обязательства для обеспечения европейской безопасности и включенности в нее России.

- Понимание сил, размывающих основания установившейся после холодной войны международной системы, может помочь осознать общую ответственность. Это может восполнить пробелы в глобальном управлении и побудить стороны приложить усилия для создания основанного на определенных правилах инклюзивного многостороннего порядка, позволяющего снизить риск конфликта и обеспечить возможности для международного сотрудничества.

- Для России и США принципиально важно сохранять каналы коммуникации открытыми. Недостаток взаимопонимания может только усилить неприязнь и враждебность с обеих сторон. Правительства России, США, Европы и Китая должны поощрять усилия университетов, аналитических центров, научных и деловых организаций, направленные на активизацию разного рода обменов, важность которых особенно велика в периоды усиления напряженности.

GLOBAL SYSTEM ON THE BRINK: PATHWAYS TOWARD A NEW NORMAL*(World Economy and International Relations, 2016, vol. 60, no. 8, pp. 5-25)**Received 25.04.2016.*

We present an academic report on the results of a joint study of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and Strategic Foresight Initiative at the Atlantic Council (USA). The paper was edited by Academician Alexander Dynkin, IMEMO Director, and Dr. Matthew Burrows, Director of Strategic Foresight Initiative of the Brent Scowcroft Centre for International Security at the Atlantic Council. The authors (co-authors) of the report are V. Mikheev, A. Arbatov, N. Ivanova, F. Voitlovskii, A. Kuznetsov, G. Machavariani, N. Arbatova, S. Afontsev, I. Danilin, S. Zhukov, S. Lukonin, Ja. Mirkin, V. Trubnikov, A. Fedorovsky, V. Shvydko (IMEMO) and M. Burrows, R. Manning, A. Vadlamannati, D. Lee, M. Check, P. Engelke, B. Bolte (Atlantic Council). The report analyzes main trends and prospects of global economic, social and political development for the period to the year 2035. Russian-American team of authors offer their vision of possible changes in the global economy, international politics and international security in the coming two decades and probable scenarios of global development. The work includes expert assessments of current and future trends inside the major countries acting as global leaders, as well as between them.

Keywords: global system, trends of world development, new challenges, scenarios of future.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-5-25